

Как на Савеловской дорожке ДЕНЬГИ ДЕЛАЛИ

АВТОР: Елена САВИНОВА

История Савеловской железной дороги – сказ про то, как рельсовый путь длиной 130 км вызвал ажиотаж на рынке недвижимости Москвы: за Бутырской заставой возник новый жилой квартал, а землю в северо-восточной части Московского уезда стала скупать банковская элита. Савеловскую железную дорогу открыли 1 января 1902 года, сообщение действовало от станции «Бескудниково» до села Савелово, что на Волге.

Инициатором постройки рельсового пути выступил председатель правления Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги Савва Иванович Мамонтов, считая выгодным провести его через Дмитров. К сооружению трассы приступили в 1897 году.

Для возведения Савеловского вокзала выбрали обширный пустырь за Бутырской заставой. Тогда там жили извозчики и небогатый пришлый люд: огородники, торговцы овощами, которые еще не расстались со своим крестьянским прошлым. Да и сама местность напоминала деревню. Начав строить вокзал, сюда провели необходимые ком-

муникации и проложили новые дороги, разбили площадь. Тут же цены на недвижимость в этой части города взлетели — ее стали застраивать доходными домами, новыми заводами и городскими усадьбами.

Сам Савва Иванович приобрел тогда участок в Бутырках, где построил дом с керамической мастерской. В ней работали Михаил Врубель, Василий Поленов, Мария Якунчикова и сам меценат. По иронии судьбы в те дни, когда строительство вокзала у Бутырской заставы подходило к концу, в Москве шла распродажа имущества и художественной коллекции Мамонтова, которые были конфискованы по приговору суда.

**Фонтан в усадьбе
П.П. Рябушинского
Александровка.
Начало XX века**

А он в ту пору ютился в комнатке при мастерской без средств к существованию.

Однколейная Савеловская дорога была медленной и живописной. Кроме почтового, в день отправлялись один пассажирский и пять товарных составов. На многочисленных разъездах поезда стояли, пропуская встречные, а пассажиры имели возможность полюбоваться окрестностями. По Савеловской дороге каждый из дачных поселков имел

более что просители были людьми влиятельными в промышленно-финансовой среде, да и казне доход доставался немалый — до 10 тыс. руб. «за платформу».

В 1903 году владелец усадьбы Алтуфьево нефтяной и банковский делец армянского происхождения Георгий Мартынович Лианозов купил право на устройство платформы, а в 1903 году при ней возник небольшой — на 100 дач — поселок, располо-

По Савеловской дороге каждый из дачных поселков имел свою особенность. На станции «Лобня» был большой пруд, где селились редкие виды птиц. Дачники охраняли водоплавающих, считая поселок заповедником

свою особенность. На станции «Лобня», к примеру, был большой пруд, где селились редкие виды птиц. Дачники охраняли водоплавающих и считали свой поселок заповедником.

Став с 1900 года владельцем Савеловской дороги, государство активно торговало остановочными пунктами, тем бо-

женный в вековом лесу. Готовые дома с террасами, цветниками, погребами и ледниками стоили от 3,5 тыс. руб.

Крупный банковский делец Мориц Филиппович Марк тоже увековечил свое имя на рельсовом пути в Савелово. Он был родом из семьи немецкого торговца. Женившись на доче-

**В окрестностях
Никольского-Прозоровского**

ри основателя дома «Вогау и К°», ведущего торговлю колониальным и химическим товаром по всей России, Марк стал одним из руководителей фирмы.

Мориц Филиппович вел хлопотную жизнь совладельца фирмы «Вогау и К°», члена совета Московского учетного банка и выборного Московского биржевого общества. По его указанию в 1878 году супруга Софья Карловна, которая, кстати, доводилась мужу кузиной, приобрела имение Архангельское-Тюриково. В 1878-1882 годах она оформила еще шесть купчих на прилежащие к ее владению усадьбы. Имение Марков стало одним из самых крупных в уезде.

За городом семья московских немцев меняла привычный образ жизни, устроив свою усадьбу в традициях русского барства. В имении были ферма, две конюшни, дома для работников, птичник и оранжерея. Свое название Архангельское получило еще ранее, в XVII веке, когда тут существовала деревянная церковь с приделом Михаила Архангела.

У Марков было девять детей — семья выезжала на дачу с нянями, гувернантками и многочисленной городской

прислугой. Все дни, кроме воскресенья, отцы семейств уезжали на лошадях до устроенной ими платформы, а затем по железной дороге — в Москву, в контору Вогау.

Кстати, и сами Вогау жили неподалеку — в имении Неклюдово. Потомственная почетная гражданка Эмилия Францевна Вогау в 1876 году купила 369 десятин 840 сажень земли за 20 тыс. руб. у купца Куманина. Когда-то Неклюдово находилось во владении бояр Морозовых. Переходя из рук в руки, имение ко второй половине XIX века было в запущенном состоянии.

Но, как говорили в народе, «у немца на все струмент найдется». Вогау наладили молочное хозяйство и держали 60 коров, кроме того, супруга директора торгового дома, оборот которого к концу XIX века достиг 40 млн руб., продавала лес и занималась лесоразведением. В своих владениях родственники играли в теннис или катались верхом. Иногда охотились на лисиц и зайцев в бывшем имении Анны Дмитриевны Дыргант, приобретенном Софьей Карловной Марк за 11 тыс. руб. впрок для своей дочери Фанни.

**Главный дом
в имении В. П. Рябушинского
Никольское-Прозоровское**

Другая усадьба, Вешки, которая находилась в окрестностях Архангельского-Тюрикова, служила памятником уходящему дворянству и воспринималась новыми помещиками как музейный экспонат. «Бесконечно очаровательные Вешки», по словам современника, были наивным и трогательным пересказом роскошных итальянских дворцов.

нитого зодчего Ивана Владиславовича Жолтовского.

Архитектор долгое время жил в Италии и создал для банкира-эстета копию виллы Палладио в Виченце. Четырехэтажный дворец с изящными колоннами, где были парадный зал для приемов, детские комнаты и театр для семейных представлений, стал подлин-

Гостиная П. П. Рябушинского была оформлена в духе пушкинского времени

Начав строить вокзал, сюда провели коммуникации и проложили новые дороги. Цены на недвижимость в этой части города взлетели – ее стали застраивать доходными домами, заводами и городскими усадьбами

Облик этого имения оказал сильное воздействие на Фанни Марк. Когда она вышла замуж за отпрыска финансовых олигархов Альфреда Александровича Руперти и получила в собственность свою часть имения, то мечтала построить нечто подобное. Но супруг внес свои коррективы. В 1906-1907 годах молодая семья начала возводить на берегу озера дом, пригласив для этого знаме-

ным шедевром гармонии и изящества. Имение получило название Липовка.

Еще одним совладельцем фирмы Вогау был Конрад Карлович Банза — один из самых влиятельных людей деловой Москвы, товарищ председателя совета Московского учетного банка и глава страхового общества «Якорь». С 1911 года он владел старинным имением Долгие Пруды (г. Долгопрудный),

Усадьба Вешки служила памятником уходящему дворянству. «Бесконечно очаровательные Вешки», по словам современника, были наивным и трогательным пересказом роскошных итальянских дворцов

**Загородный дом
в имени П. П. Рябушинского
Александровка**

**На прогулке
в усадьбе Марфино**

которое реконструировал с большим размахом. В его усадьбе, оформленной на жену Эмму, был даже синематограф. Ранее усадьба Банзы имела другое название — Виноградово.

В XVII веке село Виноградово было пожаловано думному дворянину Гавриилу Григорьевичу Пушкину. Внук его, Федор Матвеевич, оказался замешанным в заговоре против Петра I и был казнен, но Пушкиным удалось сохранить имение. Когда Александр Пушкин писал: «Водились древле мы с царями...», — он имел в виду дальнейшее родство с заговорщиком. Потом Пушкины продали имение князю В.В. Долгорукому, а тот — княжне Вяземской.

Следующий владелец, красивый царедворец Александр Иванович Глебов, покорило сердце кузины императрицы Елизаветы Петровны — Марии Симоновны Гендриковой. Царица не могла одобрить подобный мезальянс, но и девушку не хотела лишиться жениха, а потому повысила Глебова в должности, назначив его генерал-прокурором Сената.

После смерти Глебова имение перешло к его падчерице Елизавете

Ивановне Бенкендорф. В начале XIX века у нее в Виноградове гостили литераторы Гавриил Романович Державин и Иван Иванович Дмитриев, историк Николай Михайлович Карамзин. Несколько месяцев в 1795 году провел в усадьбе Иван Андреевич Крылов. Литератор жил в Виноградове уединенно, изучал итальянский язык, здесь он написал свои первые басни.

В начале XX века северо-восточная часть Московского уезда привлекала предпринимателей. В нескольких верстах от платформы «Катуар» находились другие имения деловой элиты Москвы: усадьба самих Катуаров, определявших политику Московского учетного банка; имение Никольское-Прозоровское председателя правления Харьковского земельного банка и совладельца семейного банкирского дома Владимира Павловича Рябушинского; имение Александровка председателя совета Московского банка Павла Павловича Рябушинского.

В те времена платформа «Катуар» была конечным пунктом большинства пригородных поездов. Отсюда было рукой подать до старинной усадь-

**«Готический» мост в Марфине.
Архитектор М. Д. Быковский.
1837 г.**

бы Марфино, ради которой и в те годы ехали по Савеловской дороге первые туристы, вооруженные зонтиками. Им предстояло увидеть дворец Виктора Никитича Панина, который в 1837–1838 годах перестроил ученик Жильярди, московский архитектор и реставратор Михаил Доримедонтович Быковский. «Средневековый» мост вел

Михайловича Достоевского. В одном из них он писал: «Есть у меня приятель, который на днях уверял, что мы и поленимся не умеем как следует, что ленимся мы тяжело, без наслаждения, с беспокойством, что отдых наш какой-то лихорадочный, тревожный, угрюмый и недовольный, а на руках всегда какое-нибудь вечное, нескончаемое,

«Есть у меня приятель, который на днях уверял, что мы и поленимся не умеем как следует, что ленимся мы тяжело, без наслаждения, с беспокойством, что отдых наш какой-то лихорадочный, тревожный, угрюмый и недовольный, а на руках всегда какое-нибудь вечное, нескончаемое, неотвязное житейское дело... Дачная жизнь, полная внешних впечатлений, природа, движение, солнце, зелень и женщины, которые летом так хороши и добры, – все это чрезвычайно полезно»

Однколеяная Савеловская дорога была медленной и живописной. На многочисленных разъездах поезда стояли, пропуская встречные, а пассажиры имели возможность полюбоваться окрестностями

в усадьбу, где возвышался розово-желтый дворец с высокими стрельчатymi окнами и остроконечными башнями. Белокаменная лестница спускалась к пруду, пристань когда-то украшали грифоны, да и весь облик Марфина был связан с природным ландшафтом, придавая усадьбе романтический вид.

В 1847 году весь Петербург зачитывался фельетонами Федора

неотвязное житейское дело... Дачная жизнь, полная внешних впечатлений, природа, движение, солнце, зелень и женщины, которые летом так хороши и добры, — все это чрезвычайно полезно». Не стоит ли и нам последовать совету классика, полагающего, что «перемея места и жизни не могут не действовать на нас самым благотельным образом»? ■